

Глава 10

В брежневский застой
Окончательное решение. О гениальности.
Легальная жизнь. «На концерте».
Зубов и Солженицын.
Из записных книжек.
Сюрреалистическая семейная жизнь.
«Половина жизни», Гладилин и Владимов.
Первые диссиденты. Петр Якир.
Политическая структура синтетного социализма

После решения проблемы расширенного воспроизводства «синтетного» социализма я осознал, что в моих руках находится комплексная концепция посткапиталистического уклада. При этом я догадывался, что концепция эта, видимо, не является «изо-бретением велосипеда». В противном случае до меня должны были бы дойти из-за рубежа отголоски существования подобной теории.

И я понял, что обязан довести свои идеи до кондиции, а затем обнародовать и пропагандировать. Обязан и перед людьми, и перед самим собой. Но все эти задачи были осуществимы лишь за пределами СССР. Оставаясь в стране я, во-первых, не мог «довести» свою работу, так как на Западе все-таки могли существовать какие-то изыскания в этой области, которые я должен был учитывать. А во-вторых, в Советском Союзе у меня была только одна возможность распространять свою работу — через самиздат, но это означало для меня рано или поздно оказаться в лагере на значительное число лет. Мне это, естественно, не улыбалось. Попав в лагерь, я причинил бы страдания и своим близким.

Короче, я пришел к выводу, что надо решительно выбираться. И стал психологически готовить себя и жену к этому нелегкому делу. К такому решению подтолкнула меня и общая ситуация, сложившаяся в моей жизни. Я устал от антисемитизма, от своего положения гражданина второго сорта или «инвалида пятой группы». Устал от войны с идиотической цензурой, от своего нищенского положения и сидения на шее у родителей. Не было у меня и никакой перспективы жить отдельно от родителей, приобрести свое жилье.

Но я должен отвлечься и поговорить о важном и щекотливом предмете — о том, что помогло мне прийти к моим открытиям и идеям? Ответ на этот вопрос может показаться парадоксальным: помогло отсутствие у меня гениальных способностей!

Гениальность, на мой взгляд, противопоказана для гуманитарных исследований. Она возвышает человека над простыми людьми, над их жизнью, психологически и материально. В результате гении выходят и из-под власти социальных проблем, довлеющих над простыми смертными, и им становится трудно адекватно решать эти проблемы. Так, Маркс, Энгельс, Ленин никогда в жизни не были наемными работниками! Отсюда и непонимание ими проблем и фундаментальной роли психологической природы человека. Маркс, к примеру, основное противоречие капитализма видит в противоречии между коллективным, общественным характером производства и частным характером присвоения. А мне, большую часть жизни проработавшему наемным служащим, таким противоречием видится противоречие между общественным характером производства и частным (авторитарным) характером руководства. Такое

противоречие существует, разумеется, и при государственном, марксистском социализме. Главным пороком капитализма Марксу и его соратникам видится эксплуатация человека человеком, а мне — унижение человека (наемного работника) человеком (начальником, хозяином), лишение наемного работника права голоса в делах предприятия, в его судьбе, в своей судьбе.

Для разработки социальных идей необходимо высокое чувство собственного достоинства, чтобы человек не мирился с унижениями и несправедливостями, выпадающими на его и других людей долю, и чтобы сердце его отзывалось на чужую боль и страдания. Ну и конечно, необходима внутренняя свобода и смелость мысли или иначе — вера в себя, в свою логику. Переходное положение занимает художественное творчество, для которого необходимы и определенные гениальные способности, и душевная отзывчивость.

Но вернусь к моему рассказу. С середины 60-х годов я начал жить двойной жизнью: легальной и «подпольной».

В последней я продолжал работу (теперь это можно было уже назвать работой) над концепцией синтетного уклада, над рукописью книги на данную тему и начал втягиваться в подготовку к побегу за рубеж.

Бежать, как я уже говорил, я мог лишь морем, на лодке, так как на руках у меня были жена и сын. Не ползти же с ними через границу! Но именно из-за них я решил попытаться использовать и более безопасный «сухопутный» путь — путь невозвращенца: получить туристическую путевку за рубеж и попросить там политическое убежище. Получить путевку я мог только через Союз писателей. И я стал готовиться к вступлению в Союз, начал собирать вторую книгу, сборник рассказов. Быть членом ССП не помешало бы и в случае, если бы пришлось все-таки выбираться на лодке — для привлечения большего внимания на Западе, а значит и больших возможностей для пропаганды своих идей.

В легальной жизни я продолжал заниматься журналистикой и беллетристикой и время от времени пытался найти штатную работу, чтобы увеличить доходы до нормального по советским понятиям уровня. «Почтовый вагон» был издан относительно небольшим тиражом (в 30 тысяч экземпляров) и «капитала» мне не принес, гонорар быстро растаял, тем более что дыр и долгов накопилось немало.

Однако поиски работы по-прежнему не приносили результата. Я вновь и вновь наткнулся на отказы. Негативную роль играла тут, как ни странно, и моя фамилия. Будь я сыном простого человека, может быть, и нашлись бы добрые дяди среди начальства, готовые мне помочь в поисках работы. Сыну же Билль-Белоцерковского можно было не помогать: и с голоду не умрет, и работу себе пробьет с помощью отца. Все были уверены, что у отца есть и деньги, и связи. У него же к этому времени не осталось ни того, ни другого. В 1965 году отец справил свое 80-летие. И он давно, с 37-го года, ушел из партийной жизни, из элитарных кругов, из различных президиумов, престижных комитетов и т. д. Так что отец уже никому не был нужен, а стало быть, и «связей» никаких не имел.

Что же касается денег, то и их у него от прошлого осталась самая малость. Жил он на пенсию, благо она у него была по тем временам хорошая — «персональная», 150 рублей. Важным подспорьем в семейном бюджете служила и кремлевская столовая, полагавшаяся ему как старому большевику, где продукты высшего качества отпускались по заниженным примерно

вдвое ценам, а пенсионеры имели еще и скидку: платили 25% от общей заниженной цены. И нам с этого пайка тоже перепадало.

В поисках работы я был близок к цели, когда мне предложили поступить на радио. Я согласился, и меня вызвали на беседу в отдел кадров.

Разговаривал со мной молодой наглого вида чиновник, кутивший «Кент», что по тем временам могли себе позволить в основном лишь профессиональные борцы с американским империализмом и его тлетворным влиянием.

— Как ваша фамилия? — спросил чиновник, дерзко глядя на меня. (Будто перед ним не было моей анкеты. Допрашивал, словно в милиции.)

Я автоматически называю.

— Хорошая русская фамилия! — ухмыляется чиновник. — Имя?

Называю.

— Тоже прекрасное русское имя! А отчество?

— Владимирович!

— Еще лучше! Ну, а как отчество отца?

— Наумович.

— Ага! — весело восклицает чиновник, и переходит к существу дела:

— Вы, говорят, хорошо пишете, но вы хотите работать в р-р-русской литературно-драматической редакции. Можете ли вы утверждать, что хорошо понимаете р-р-русскую литературу, ну и советскую, конечно?

Поиздевавшись надо мной таким образом, он объявил, что они не могут меня принять на работу ввиду того, что у меня нет литературного образования.

Отвлекусь на минуту. В связи с этой историей об имени и отчестве я вспомнил потрясающий факт из области советского «интернационализма». После первых советских успехов в космосе начали распространяться слухи, что главными творцами советской ракетной техники были евреи. Имена конструкторов были ведь тогда засекречены. В прессе писали: «главный конструктор», «главный теоретик» и т. п. Естественно поэтому, что люди питались слухами. Видимо, как реакция на эти слухи в официальном репортаже о полете Гагарина, опубликованном во всех газетах, появилась следующая справка: «Огромную помощь космонавтам на каждом шагу оказывал главный конструктор, замечательный, широкой русской натуры человек, с настоящей русской фамилией, именем и отчеством». Вот так вот, никаких вам рабиновичей!

А о самом Юрии Гагарине появился тогда стишок: «Хорошо, что Ю. Гагарин не еврей и не татарин, не киргиз и не узбек, а наш — советский человек!».

Помню и такой забавный эпизод из той же области. Подхожу со старшим сыном, пошедшим лицом и мастью в мать, к сапожнику, чтобы что-то купить у него. Сапожник чистит клиенту ботинки, поднимает глаза на сына и улыбается: «Какой красивый мальчик! Сразу видно, что наш, русский... — поднимает глаза выше, на меня, — наш... советский мальчик.»

К слову. Поражает сейчас беспамятство русских великодержавников, левых и правых, которые кричат, что Горбачев и либералы развалили великий Советский Союз. Развалили его прежде всего они сами, развалил русский шовинизм.

Но вернусь к своим злоключениям в поисках работы. Очень комичная история случилась в еженедельнике «Неделя» (при «Известиях»), тогда имевшем большой вес. Главный редак-

тор «Недели», некто Хмель, обещал мне, что к определенному сроку у него появится свободная штатная единица и я буду первым кандидатом на нее.

Но в то время я закончил работу над новым рассказом «На концерте Баха»¹ — о проблемах семейной жизни.

Был в рассказе такой пассаж: «Христианство, непотворение, — думает герой рассказа, — все это мы отрицаем, но истина в том, что по крайней мере хоть с одним человеком в жизни (имелась в виду жена) нужно жить по-христиански! Ничего не требуя, думая не о том, чтобы брать, а чтобы больше давать, быть терпимее, жалеть, понимать... А иначе это не жизнь! Или ты — не человек...»

Я предлагал этот рассказ во многие журналы, но он везде был отвергнут. И осталась последняя надежда — «Неделя». В «Неделе» заведующим отдела прозы работал тогда талантливый молодой писатель Анатолий Макаров. Рассказ ему понравился, и он обещал попробовать протолкнуть его. Через некоторое время меня вызвал главный редактор (Хмель).

— Рассказ ваш неплохой, — сказал он, — но что это у вас там за слова насчет христианства? Что, у вас нет других, наших слов? Замените этот кусок, иначе мы рассказ опубликовать не сможем.

Я что-то промямлил в знак согласия и ушел от Хмеля в грустном сознании, что рассказ нигде, видимо, так и не увидит свет. Никаких других слов у меня, разумеется, не было.

Однако через пару недель звонит мне Макаров и спрашивает, есть ли у меня копия рассказа? Он, оказывается, уже поставлен в номер, но в типографии потеряли рукопись, оригинал.

— Срочно хватай такси и привози копию, — попросил, Макаров. — Она у тебя идентичная? — спросил он между прочим.

— Конечно! — ответил я не очень твердым голосом, так как начал уже смутно осознавать пикантность ситуации.

В редакцию я привез рукопись с «куском» о христианстве, который у меня был к тому же еще выделен жирным шрифтом.

В день выхода журнала бегу в ближайший газетный киоск, покупаю «Неделю»² и вижу там свой рассказ, и в нем — набранный жирным шрифтом злополучный пассаж!

Друзья поздравляют меня, удивляются, как мог пройти рассказ с такими словами, а я пожимаю плечами — сам, мол, удивляюсь.

Через несколько дней опять звонит редактор отдела прозы Макаров и голосом весьма не вдохновляющим просит приехать в редакцию. Оказалось, что уже после выхода номера в типографии нашлся оригинал моей рукописи. Макаров показал мне его. Слова о христианстве там были вырублены жирным красным карандашом главного редактора. Видимо, из-за склероза (Хмель был весьма преклонного возраста) редактор забыл, что велел мне заменить эти слова, и через какое-то время сам вычеркнул их, ничем не заменяя.

— Теперь мы ждем сразу двух звонков, — сострил кто-то из сотрудников отдела, — один из ЦК, с разносом, другой — из Патриархии, с благодарностью.

Вскоре подошел срок, когда я должен был навеститься в «Неделю» по поводу работы. И когда я явился в приемную Хмеля, его секретарша, завидев меня, без обиняков заявила: «Товарищ Хмель вас никогда больше принимать не будет. Ни по какому вопросу!».

¹За «основу» я взял концерт Гарри Гродберга.

²От 1 марта 1966 года.

Один звонок, как минимум, отметил я про себя, состоялся. Потом я шутил, что так вот дорого обошлась мне проповедь христианского отношения к женам.

Но нет худа без добра. После публикации «На концерте Баха» я получил много писем от читателей, и среди них — письмо некоего Николая Ивановича Зубова из крымского города Первомайска. Чувствовалось, что писал очень мудрый и добрый человек. Я ответил ему (как, впрочем, и всем отвечал), и завязалась переписка. Зубов оказался «Кадминым», прототипом героя повести Солженицына «Раковый корпус». Напомню, что Кадмин-Зубов и его супруга, жившие вместе с Солженицыным в ссылке в Казахстане, были, по свидетельству Солженицына, людьми такой душевной теплоты, что ее чувствовали даже собаки, перебегавшие к Зубовым от других хозяев. Одну собаку хозяева два раза забирали от Зубовых, но она опять прибежала к ним, хозяева привязали ее к автомобильному колесу, так собака приволоклась к Зубовым вместе с колесом, после чего хозяева сдались и оставили попытки вернуть собаку. И не только собаки, как пишет Солженицын, но и вся община ссыльных грелась теплотой Зубовых. И это было, как я убедился, полной правдой. Я несколько раз встречался с Зубовым. По профессии врач-гинеколог, он кроме врачебной работы увлекался краеведением, историей не только Крыма, но и старинных русских городов. Благодаря ему я узнал, какой интересный город Симферополь. Плюс Зубов вел курсы для молодежи по пропаганде здоровых сексуальных отношений и их гигиене. И было ему тогда уже далеко за шестьдесят, но энергии у него хватало еще и на то, чтобы ухаживать за своей тяжело больной и малоподвижной женой и за психически ненормальным внуком, которого бросила на Зубовых их незамужняя дочь.

Зубов гостил у нас в Москве и на даче в Кратово. Замечательно сказал о нем один мой близкий друг, которого я познакомил с Зубовым: «Увидеть такого человека — значит спастись!».

Интересно, что в Кратово Зубов был перед тем, как ехать во Владимир на встречу с Солженицыным и его тогдашней супругой Решетовской. Они должны были втроем на «москвиче», приобретенном незадолго до того Солженицыным, предпринять экскурсию по русскому Северу. Солженицын хотел, чтобы Зубов познакомил его с русской историей. Тогда начинался его поворот к великорусскому национализму. Зубову, между прочим, национализм не был присущ совершенно.

О Солженицыне-писателе Зубов был тогда самого высокого мнения. Как и я. Правда, когда появились последние новмировские рассказы Солженицына «Для пользы дела» и «На Куликовом поле», в которых уже виделся поворот автора к национал-патриотизму, мое восхищение поуменилось.

Через какое-то время я стал замечать, что Николай Иванович все реже и все холоднее пишет о Солженицыне. Стало известно, что Солженицын развелся с Решетовской и женился на Светловой. И вдруг я получаю полное горечи письмо от Зубова. Он пишет, что Солженицын, оказывается, сбросил на него раскаленную от горя и гнева Решетовскую, прислал ее пожить у Зубова в Крыму, чтобы Зубов ее охладил, успокоил. Прислал, зная, что на руках у Николая Ивановича больная жена и тяжелый внук. И далее Зубов писал, что из писем Солженицына по поводу мотивов его развода он понял, что «Солженицын не способен любить и даже не понимает, что это такое!». Не понимает, в частности, и того, писал Зубов, о чем идет речь в вашем рассказе.

Переписка с Зубовым прекратилась в 1972 году, когда я оказался «под колпаком» КГБ и начал борьбу за разрешение на эмиграцию. Я сообщил об этом Зубову и перестал писать ему, чтобы не втянуть его ненароком под мой «колпак».

Многие годы я вел записи впечатлений и мыслей. Приняв решение бежать на Запад, я отобрал наиболее содержательные страницы из моих записных книжек. Несколько из них сохранились до сих пор. Вот ряд записей из них.

В Ужгороде (я был там в командировке на строительстве нефтепровода «Дружба») весь центр в кирпичной пыли: в ходе антирелигиозной кампании Хрущева взрывают, разрушают храмы разных конфессий. В Закарпатье проживает много национальностей. Только что взорвали синагогу, ранее — православную церковь. Не трогают лишь венгерский храм. Пожилая русская женщина объясняет: «Их церковь не трогают, потому что венгры умеют за себя постоять, не то что мы — русские! Власти венгров боятся!».

По учреждениям и предприятиям тихо проводят приписку людей, куда кто будет эвакуирован из Москвы в случае войны. Мужу на работе дают предписание ехать в одно место, а жене на ее работе — в другое, родителям-пенсионерам в ЖЭКах — третье. Все ворчат: что же это за безобразие! Бюрократизм! А то, что власти спокойно планируют возможность войны, никого не возмущает.

Изо всех категорий чиновников самые, наверное, отвратные — это прокурорские работники. Они наиболее грубые, близкие к уголовному типу и держатся бандой. Когда я ездил в командировки по судебным делам, в редакциях меня всегда предупреждали: будьте осторожны с прокуратурой, там очень опасные люди, остерегайтесь провокаций, не позволяйте себя никому угощать в ресторанах и насчет женщин — того, тоже остерегайтесь! В Белгороде один прокурорский чиновник, уволенный с работы, передал мне документы из милиции о других чиновниках прокуратуры. По этим документам заместитель прокурора города был задержан за то, что в нетрезвом виде мочился в вагоне трамвая.

Подмосковный город Жуковский. Жители: летчики, военные, работники авиационных предприятий, НИИ, аэродромов, очень важных, закрытых. Со станции «Отдых» до города — около километра. Я шел, и через каждые пять-десять метров на дороге лежали пьяные. Был, наверное, день получки. По дороге двигался густой поток людей. Все деловито обходили лежащих или перешагивали через них.

И еще о Жуковском. В городе с относительно состоятельным населением нет ресторанов и кафе. Как объяснили мне в Горсовете (не для печати!), «органы» возражают: в ресторане будут собираться работники закрытых предприятий и говорить о своих служебных делах. Шпионы смогут легко их разговоры записывать, располагаясь за соседними столиками.

Женщина, инвалид войны: пулей выбит глаз, 20 лет бьется за пенсию инвалида войны. Чиновник в беседе: «А может это вы сами себе глаз выбили!». После вмешательства «Литгазеты» начато дело против этого чиновника.

Учительница русского языка говорит (при мне) ученикам, что слово «родина» надо писать с большой буквы, если имеется в виду наша страна после 1917 года.

Пожилая женщина застряла в лифте и жмет кнопку «Диспетчер». Диспетчерша спрашивает: «Чего вам?». Пожилая объясняет — лифт застрял. «Звони в контору по ремонту!» — «Как же я могу?! Вы позвоните!» — «Делать мне больше нечего!» — отвечает диспетчер и отключается. Застрявшая отчаянно жмет аварийную кнопку. Тишина. Жмет еще и говорит: «Я сердце»

чная больная. Мне плохо! Если помру в лифте, вам отвечать!». «Милочка!» — включается диспетчерша. Женщина молчит. «Милочка!» — кричит диспетчерша. — Ты потерпи, сейчас я тебя выручу! Бегу!».

Для разрядки несколько юмористических записей.

В ресторане на Плещеевом озере при входе висит большой типографский плакат с правилами поведения в ресторане. Запомнилось такое: «В дурно пахнущей одежде вход в ресторан запрещен!».

Плакат в колхозе: корова и рука, указующая на ее вымя, и под этим текст: «Удвой удой, утрой удой, не то пойдешь ты на убой!».

В Крыму, в Гурзуфе висят везде плакаты с правилами поведения, в том числе: «Запрещаются озорные игры и хождение в кустах». На многих плакатах слова «и хождение» были замазаны. Получалось: «Запрещаются озорные игры в кустах».

Около нового автомата продажи напитков. Человек опустил монету, автомат выдал полстакана сока. «Эх! И ты туда же! — ворчит мужчина. — Где уж нам коммунизм построить, когда у нас даже автоматы воруют!».

Автомат проглотил монету и не выдал товара. Пострадавший стучит по стенке автомата. Трах-трах, и высыпается сразу много монет. Но клиент не успел еще осознать своего счастья, как открывается дверь в стене за автоматом, оттуда выскакивает мужик и бешено хватается руку клиента с деньгами. За автоматом сидит, оказывается, специальный надсмотрщик. Интересно, куда пойдут отобранные им деньги?

В 1967 году мне предложили в «Литературной газете» сложную комбинацию. «Литгазета» заключила договор с Новосибирским университетом на проведение социологического обследования читателей газеты. Университету нужен был при газете постоянный представитель. И мне предложили это место при условии, что часть времени я буду работать на газету как журналист. Контракт был заключен на полтора года, а дальше пообещали перевести меня в штат газеты.

Я согласился. Для «Литературной газеты» я работал в отделе науки, и это была неинтересная работа. А вот работа над анкетой меня увлекла. Особенно интересно было заполнять анкеты с помощью интервьюирования. (Большая часть анкет рассылалась по почте).

Беседуя с людьми при заполнении анкет, я вновь убеждался, насколько интереснее и смелее были ответы представителей «инженерно-рабочего класса» по сравнению с ответами представителей других социальных групп.

В тот год в моей жизни, на этот раз — в семейной, произошло весьма знаменательное событие, о котором считаю нужным рассказать, хотя мне это и не очень приятно.

Сначала несколько слов о моем тесте. Еще до второй женитьбы я знал со слов моей будущей жены, что ее отец — журналист. Она сказала об этом как-то очень мимоходом, и я почему-то не спросил ее, где конкретно он работает. А после женитьбы выяснилась веселенькая картина. Оказалось, что мой новый тесть, Ерофеев Павел Порфирьевич, никакой не журналист, а чиновник от журналистики, и главное, кадровый работник КГБ! В начале войны, июне 41-го года он в чине лейтенанта отправился «защищать родину» в Сибирь, в войска охраны лагерей, расположенных возле поселка Дебин, где и родилась в 1942 году моя вторая жена. В Дебине Ерофеев, по словам тещи, работал редактором газетки «На боевом посту». Родину он защищал в Сибири ровно до конца войны.

Когда я рассказал обо всем этом Юрию Домбровскому, он аж подскочил: «Дебин!? Да ведь там были самые страшные лагеря, фактически лагеря смерти! Редактором он работал! Сейчас кого ни послушаешь из этих людей, кто вот редактором, кто — поваром работал. Непонятно, кто же зекам кости ломал?» — таков был комментарий Домбровского, который сам прошел, напомним, сталинские лагеря и хорошо разбирался в этом предмете, что видно и по его произведениям.

После войны Ерофеев вернулся в Москву и взлетел до главного редактора учрежденной тогда газеты «Советская Россия». Потом он стал генеральным секретарем Союза журналистов СССР. В тот период я и сделался его зятем. Наши с ним родственные отношения, как догадывается читатель, длились недолго. Ерофеев, как и следовало ожидать, оказался агрессивным советским патриотом и махровым антисемитом.

— Вы все заграничное восхваляете, — сказал он мне как-то, — все отечественное хулите, а сами сало русское едите!

Я, будучи тяжелодумом, в подобных случаях обычно теряюсь, но тогда в порядке исключения нашелся:

— А вы, Павел Порфирьевич, наоборот — все отечественное хвалите, а сало едите заграничное!

Дело в том, что в качестве ответственного работника Ерофеев был прикреплен к кремлевской столовой и к так называемому «101-му отделению» ГУМа, где можно было покупать заграничные вещи.

Когда его дочь, моя жена, была в положении, она попросила отца устроить ее на работу на полставки, на полдня.

— Где я тебе такую работу возьму?! — возмутился Ерофеев.

— Но у меня есть друзья,.. — сказала было жена.

— Не бери пример со своих друзей-евреев! — отрезал отец.

Он, конечно, мог бы найти ей такую работу, но, наверное, ленился: был равнодушен к дочери, да и к своей семье — также.

Вскоре после рождения нашего сына Ерофеева послали работать в Прагу секретарем МОЖа (Международного объединения журналистов) от Советского Союза, т. е. фактически послали руководить этой организацией. (МОЖ был детищем агитпропа ЦК и КГБ.) Мы с женой и сыном стали жить в новой шестикомнатной квартире Ерофеева, где в одной из комнат еще жила семья рабочих: муж, жена и дочка. Ерофеев собирался их отселить, подыскать им отдельную квартиру, но не успел. Жили в квартире также брат жены — студент и ее тетка, сестра Ерофеева, которую оставили приглядывать за братом. (Теща уехала с Ерофеевым в Прагу.)

Тетка эта оказалась, как и ее брат (Ерофеев), утробной антисемиткой и начала тиранить жену за то, что она живет с евреем, т. е. со мной.

И вот в один прекрасный день я возвращаюсь с работы (из редакции «Литературной газеты») и вижу дома двух милиционеров. Выясняется, что тетка в очередной раз стала приставать к жене и в конце концов сказала ей, что она «ожидовилась», живя со мной. Жена дала ей пощечину. Тетка, крепкая, жилистая баба, опрокинула жену на пол и стала душить. Между прочим, жена в то время еще кормила грудью сына.

Спасла жену соседка, которая на счастье оказалась дома. Она услышала из своей комнаты звуки скандала — он происходил на кухне, — потом звук падения тела и — тишину, которая

показалась ей подозрительной. Соседка заглянула на кухню и увидела: тетушка стоит на полу на коленях над моей поверженной женой и сосредоточенно душит ее.

Соседка попыталась оттащить тетушку, но та не отпустила шею жены, и тогда соседка слегкахватила тетушку сковородкой по голове. Вызвала милицию, которая вынуждена была завести на тетю дело. Но из Праги вихрем налетел Ерофеев, дело замял, тетку убрал — отправил на ее собственную квартиру.

Соседка заявила и милиции, и Ерофееву, что конфликт вспыхнул на почве антисемитских оскорблений со стороны его сестры, но Ерофеев с ходу отрезал: «Вы не присутствовали на кухне во время ссоры и даете такие показания по наущению Белоцерковского!».

Ерофеев, между прочим, в качестве моего тестя был дополнительной помехой в моих поисках штатной работы, еще более серьезной, чем имя моего отца. Стоило начальству в редакции узнать, кто мой тесть, и желание принять меня на работу вмиг улетучивалось. Если я, зять Ерофеева, ищу работу, то это значило, что я неугоден ему. Ведь Ерофееву стоило, как говорится, пальцем пошевелить, и у меня была бы любая работа! А раз я неугоден Ерофееву, то не стоит и рисковать. Один редактор мне откровенно это объяснил и посоветовал всячески скрывать, кто мой тесть.

В 1967 году я закончил составление сборника рассказов, который назвал по одному из рассказов «Половина жизни». Часть из них была уже ранее опубликована в журналах. В сборник я включил также оригинальную, неоказененную версию рассказа «Под солнцем», «Школьную повесть» и новый большой рассказ «У озера», который считаю лучшим своим рассказом. Напечатать его в журналах мне не удалось. Когда мне возвращали этот рассказ из журнала «Юность», то сотрудники забыли отколоть маленькую записочку — отзыв главного редактора: «Хороший, взрослый, грустный рассказ о том, как жизнь и люди рушат любовь. Не для «Юности»».

Сборник я предложил в издательство «Советский писатель». Заведующая отделом прозы Вилкова (имя и отчество, увы, забыл), старая знакомая и почитательница моего отца, прочла рукопись и сказала, что она настолько острая, что пробить ее можно, только пойдя на риск. А именно, отправив на отзыв какому-нибудь крупному, знаменитому писателю. Если он даст положительный отзыв, то у сборника появятся шансы. Но у больших писателей, пояснила редактор, трудно получить такой отзыв: они требовательны, у них высокие стандарты.

Я согласился на этот риск, и мой сборник послали Сергею Антонову, знаменитому тогда писателю, автору повестей «Дожди», «Поддубенские частушки», «Разорванный рубль». Антонов дал очень хороший отзыв, и машина завертелась. Как сказал мне Домбровский: «Редакционные церберы смогут теперь делать свои заметки лишь на полях отзыва Антонова».

Тем не менее было еще множество «военных действий»: меня все-таки заставили перерабатывать рукопись, еще раз давали на рецензию Антонову, и мало того, отдали на «контрольное чтение» члену редакционного совета издательства писателю Василию Субботину. Но и он дал положительный, а точнее, восторженный отзыв, и в начале 68-го года сборник был подписан, наконец, в печать.

Я надеялся на успех этой книги и рассчитывал после ее издания вступить в Союз писателей. (По негласному правилу для этого нужно было иметь две книги.) В Союз я стремился, как я уже упоминал, в тайной надежде получить в будущем туристическую путевку для выезда на Запад.

Но Борис Слуцкий, который был тогда членом центральной приемной комиссии, настоятельно советовал мне не ждать выхода сборника. «Я боюсь, — сказал он мне, — что в недалеком будущем Союз может для вас оказаться закрытым. И пока я еще член приемной комиссии — поторопитесь!»

Напомню, что это было время, когда заставили уйти из «Нового мира» Твардовского вместе с большинством его сотрудников. Даже для той «застойной» эпохи это было большим и печальным событием, подобным разгрому НТВ в наше время.

Я послушался совета Слуцкого и подал заявление в Союз, не дожидаясь выхода сборника. Но уже «расцвела Пражская весна», и перепуганные советские вожди начали закручивать гайки. В первую очередь, конечно, в литературе. Вышло постановление «Об усилении ответственности редакторов издательств и журналов за идеологическое содержание их продукции». И немедленно во всех издательствах началась перепроверка «портфелей». Мою книгу, уже подписанную в набор, отдали новому рецензенту — штатному сотруднику издательства, маститому литературоведу Левину (имени его не помню), и вскоре меня вызвали к главному редактору издательства, Валентине Карповой, известной сталинистке.

На совещании в ее кабинете выступил упомянутый рецензент Левин. Он заявил, что необходимо сделать ряд новых купюр, ряд рассказов переработать, а про рассказ «У озера» сказал, что «вот его переделывать и редактировать не надо, его просто не должно быть в сборнике!».

Карпова согласилась с выводами Левина, но я наотрез отказался что-либо изменять, не видел смысла выпускать кастрированную книгу. Договор со мной был расторгнут, однако гонорар после вмешательства адвоката из Агентства по защите авторских прав издательству пришлось выплатить, правда, только за один стандартный тираж (30 тысяч экземпляров), хотя сборник предполагалось издавать двумя тиражами.

Юрий Домбровский, утешая меня, сказал, что отзыв «ценного еврея Левина» о рассказе «У озера» — великий комплимент для меня: «Рассказ написан по-чеховски: никакой политики, а тоска дерет!».

Интересный совет дал мне и Сергей Антонов: «Вам надо много писать, потому что прокляты у вас будут случаться часто. Ваша проза — это проза прежде всего мысли, а мыслям через цензурные сети проплывать особенно трудно!».

Что касается рассказа «У озера», то там даже и мыслей никаких крамольных не было. Это просто «честная проза», как говорили иногда литераторы. Вот пафос этого рассказа (цитирую финал):

«... на Андрея вдруг нашел философский стих. Он стал говорить о том, что что бы там люди ни говорили и ни думали, а, в сущности, цель и смысл всей жизни, то, ради чего мы живем, ради чего все делаем: работаем, нервничаем, отдыхаем, едим, пьем, встречаемся, добиваемся уважения — все это, в сущности, ради того, чтобы найти, наконец, завоевать, встретить настоящую любовь! Да такую, в которую и не верим, считаем романтической небыллицей, смеемся, а сами тайно, себе не признаваясь, ждем. Надеемся, что она все-таки существует, хотя ее и не видно кругом, надеемся, что, может быть, тебе повезет и ты все-таки найдешь, встретишь ее когда-нибудь... И наверное, каждый, даже самый последний человек, живет с этой надеждой, сам того не сознавая!...

Андрей замолк, подумав вдруг потрясенно: «Так что же мы, что же я делаю?! Зачем, на что теряю лучшие годы? И может, теряю самую способность любить, если она еще жива во мне!».

Вот и вся крамола. Были еще какие-то грубые реалии в жизни героев, не без этого, но думаю, если бы я был «маститым» писателем, рассказ, наверное, пропустили бы. Хотя «маститый» советский писатель такой рассказ вряд ли бы написал!

Через некоторое время я получил извещение из Союза писателей о том, что мое заявление о приеме будет рассматриваться на очередном заседании приемной комиссии московского отделения Союза. Потом в случае успеха дело должно было идти в центральную приемную комиссию, членом которой был Борис Слуцкий.

По правилам я не мог присутствовать на заседании и ожидал результата в фойе правления ССП.

Отрецензировать мои произведения в комиссии поручили известному тогда молодому писателю Анатолию Гладилину, ходившему в «левых» авторах. (Тогда, напомним, понятие «левый» означало любую оппозицию власти, неконформизм.) В какой-то момент из комнаты комиссии вышел ее член Григорий Березко — отнюдь не левый писатель, но относившийся ко мне с симпатией. Он развел руками: «Дело плохо! Гладилин доказывает, что вы идеологически неблагонадежны! Подводит под статью!».

Слуцкий потом просматривал протокол заседания и подтвердил, что все так и было.

На всякий случай дам справку, что с Гладилиным я не был знаком и дорогу ему никогда не переходил. Но в лицо мы друг друга знали — по ЦДЛ.

Комиссия вынесла решение: «Приостановить прием в Союз до выхода второй книги». (Первая — «В почтовом вагоне».) При этом в комиссии, конечно, знали, что вторая книга выкинута из плана «Советского писателя».

Какое-то время спустя ко мне гости пришел Жора Владимов со своей второй женой Натальей Кузнецовой. Мы все-таки изредка с ними встречались. И рассказал мне историю, которую специально попросил распространять.

Владимов был коротко знаком с атташе по культуре американского посольства Джоном Лодизиным, которого знали многие писатели. И однажды Гладилин попросил Жору передать Лодизину какой-то самиздат для переправки его на Запад. Жора согласился. Встреча с Лодизиным состоялась в сквере, вечером, кажется, около дома Владимова. Лодизин подъехал на машине со своей женой. Вышел из машины, и Жора передал ему пакет с самиздатом. И в этот момент в ближней подворотне вспыхнули фары, и какие-то люди бросились к Лодизину. Но он успел кинуть пакет в машину, на сиденье. Кагэбэшники кинулись к машине, но пакета на сиденье уже не было. Жена Лодизина ловко спрятала его.

Тем не менее Жору на другой день вызвали в КГБ и долго с ним беседовали. А Гладилин в это время бегал по ЦДЛ и беспокоился, не появлялся ли Владимов, и на вопрос, почему он переживает, отвечал, что ведь Жору вызвали в КГБ! Потом друзья Владимова сопоставили события того дня, и встал вопрос, откуда Гладилин знал, что Владимов был в КГБ? Устроили Гладилину допрос с пристрастием, и он — признался, что его якобы в Иностранной комиссии ССП попросили помочь разоблачить агента ЦРУ Лодизина, работавшего «под личиной дипломата». И он на это согласился, чтобы помочь Владимову, спасти его: убрать от него Лодизина.

Вскоре после того Лодизина выслали из СССР как персону нон грата, сопроводив его высылку хлестким фельетоном в «Правде»: «Фигаро из ЦРУ».

Лет через семь-восемь, когда я уже работал на «Свободе», в эмиграции оказался и Гладили. Сразу заявил себя очень крутым антикоммунистом, даже монархистом! И приехал на «Свободу» в видах устройства на работу. Я шел по коридору и увидел Гладилина, и он увидел меня, заметался и юркнул в оказавшийся рядом туалет.

В довершение этой истории добавлю, что приехал он наниматься на «Свободу», когда одним из главных менеджеров там был Джон Лодизин, тот самый, скомпрометировать которого Гладилин пытался в Москве! Когда я приехал в Мюнхен, Лодизин был начальником русской редакции «Свободы» и принимал меня на работу, и потом, когда мы с ним сдружились, подтвердил приведенный выше рассказ Владимова.

Тем не менее Гладилина на «Свободу» взяли. Американцы относятся к людям, бывшим в связи с КГБ, спокойно, без параноидального страха. На «Свободе» работало много даже бывших штатных чекистов, а тут — известный в России писатель! Но Гладилин попросился в парижский филиал. В Мюнхене работать рядом со мной ему было, видимо, все-таки некомфортно.

Вот какие сказочные сюжеты случаются в нашем тесном мире.

После неудачи с изданием книги и с приемом в ССП надежд на получение турпутевки у меня уже не осталось, и я стал готовиться к путешествию через море. Купил польскую сборную байдарку «Нептун» с парусом, рассчитанную на трех человек: двух взрослых и ребенка. Где-то я прочел, что на таких лодках группа любителей острых ощущений обогнула мыс Горн, что на южной оконечности Южной Америки — место самых свирепых в мире штормов.

Мы стали с женой плавать на ней, привыкать. Плавали на подмосковных водохранилищах. Но лодка имела яркую оранжевую окраску, что меня никак не устраивало. Я попытался найти в магазинах серую краску, но тщетно. Краски вообще продавались только для автомобилей, а они разъедали лодочную ткань. Но советский человек привык исхитряться. Я нашел химический институт красителей, в котором работали мои знакомые, бывшие студенты химфака МГУ, и наплел им с три короба, что я, мол, в качестве журналиста хочу поехать в экспедицию с биологами в устье Волги для изучения местных птиц, но их будет отпугивать яркая окраска моей байдарки. Они взялись синтезировать для меня специальную серую краску, однако попросили, чтобы я достал какой-нибудь подтверждающий документ для их начальства. И я достал! После полетов на аэрологических самолетах и аэростате я между делом, на всякий случай, вступил в Географическое общество, и теперь это мне пригодилось. Я рассказал там свою легенду об экспедиции, и потерявший бдительность секретарь общества, милый старичок, накатал нужную мне ксиву. Я отнес ее в институт и вскоре получил большую банку высококачественной серой краски, сделанной специально для материала моей лодки.

Пробиваться я решил в Англию. У жены был хороший английский язык, да и я немного зубрил его в университете. И Англия располагается не так уж далеко от России, в отличие от Америки, и отец мне много хорошего рассказывал об этой стране и ее культуре.

В это же время я впервые познакомился с диссидентами, в том числе со знаменитым Петром Якиром, одним из главных тогдашних диссидентских лидеров, и его друзьями. И вскоре уже выполнил первое подпольное поручение. Якир попросил меня подкинуть на стол главного редактора «Литературки» Чаковского какое-то протестное письмо, подписанное им, Ильей Габаем и еще кем-то. Я, помню, долго ходил с бьющимся сердцем мимо кабинета Чаковского,

дожидаясь, пока там не будет ни его, ни секретарши. Но заходить в пустой кабинет главного не полагалось, ведь там стоял кремлевский телефон-«вертушка». Однако дождавшись, когда кабинет и приемная опустеют, я геройски нарушил этот запрет, кинул антисоветское письмо на массивный стол главного и с независимым видом вышел из кабинета, никем не замеченный.

Потом Якир пригласил меня в академгородок «Красная Пахра» на концерт его зятя Юлика Кима, очень популярного в то время барда. Концерт был замечательным! Песни Кима пленяли своей раскованностью, прекрасными текстами и музыкой. Они были на грани между капустником, студенческими куплетами и серьезным антисоветским искусством. И Юлик мне очень понравился. Скромный кореец, на эстраде он вырастал в обаятельного актера и остроумного конферансье. Публика, молодые научные работники, бурно аплодировала ему, а в конце проводила его овацией. Было время!

После концерта мы все пошли в дом какого-то тамошнего профессора. Юлик вновь немного пел, а потом было что-то вроде фуршета. Я оказался рядом с Якиром, и вдруг увидел, как он преспокойно шмякнул на пол кусок не понравившейся ему закуски. Я с ужасом уставился на Якира, а он ответил мне возмущенным и злобным взглядом, в котором мне увиделось уже что-то блатное. И в целом Якир произвел на меня отталкивающее впечатление. Крупный, яркий, с живописной «библейской» бородой, он в то же время чем-то смахивал на бомжа. И это было понятно: ведь он вырос в лагере для семей «врагов народа», после того как его отец, знаменитый командарм Иона Якир, был расстрелян перед войной по приказу Сталина. Но было еще в Якире и что-то от «пахана», грубого, циничного, авторитарного. Чувствовалось, что слава уже вскружила ему голову. Он всем «тыкал» и говорил тоном вождя, привыкшего к беспрекословному подчинению.

Много позже, в эмиграции, я понял, каким емким символом и предупреждением был этот эпизод с куском бутерброда Якира.

После концерта в академгородке у меня пропало желание продолжать общение с группой Якира. Да и не хотел я втягиваться в диссидентское движение, имея в планах бегство из страны. Не хотел привлекать к себе внимание КГБ и ставить под удар диссидентов в случае своего провала. Не верил я и в эффективность малочисленных диссидентских групп в окружении трусливой и циничной интеллигенции. Свой долг я видел в том, чтобы довести до ума идеи «синтезного социализма» и пустить их в жизнь. Втянулся я в диссидентское движение лишь после того, как сорвались мои попытки уплыть за границу, и я решил выбираться легальным путем по израильской визе. Потом, в эмиграции, это обстоятельство стали использовать против меня: какой он диссидент — без году неделя! Хотя я никогда не преувеличивал свой «партстаж». Правда, «диссидент» означает инакомыслящий, но это мало кем принималось во внимание.

В нелегальной сфере моей тогдашней жизни, как я уже говорил, я продолжал работать над «конструированием» принципов синтезного социализма. И следующей темой этой работы стала политическая структура такого социализма. Вот сжатое изложение результатов моих размышлений на этот счет, составивших отдельную главу в рукописи «О самом главном».

Структура демократии синтезного социализма

Избирательная система

Для создания демократии, отвечающей интересам людей в обществе синтезного социализма, прежде всего необходима принципиально новая система выборов в законодательно-представительные органы власти — система прямого представительства трудовых ячеек и объединений в этих органах. Коллективы, владеющие средствами производства, как я полагаю, будут добиваться именно такой системы, ибо она позволит им контролировать законодательные органы власти, а через них и исполнительные.

При этой системе депутаты в законодательные органы власти всех уровней должны избираться прямо от предприятий, учреждений и объединений индивидуально работающих людей, включая объединения частных предпринимателей.

При такой системе:

1. Избиратели будут хорошо знать людей, за которых они голосуют, так как это будут в основном их коллеги по работе. Рекламные избирательные технологии сделаются ненужными.

2. Кандидатам не нужны будут деньги для предвыборных кампаний, и это избавит их от необходимости продаваться в поиске этих денег. Не понадобится и поддержка властей. Кандидату будет достаточно перед выборами выступить на собрании своего трудового коллектива и ответить на вопросы коллег.

3. Избиратели легко смогут контролировать и корректировать позицию своих депутатов-представителей, а в случае полного в них разочарования их легко будет отзывать и заменять опять же на собрании коллектива. При территориальных выборах это сделать практически невозможно: избиратели, работая в различных заведениях, не имеют возможности совместно и регулярно обсуждать деятельность «своего» (тут без кавычек не обойтись) депутата и не способны собираться (самостоятельно) для решения вопроса о его отзыве и замене. Да и интересы у таких избирателей слишком различны.

Подобная система выборов в законодательные органы власти (в примитивной классовой форме) применялась в России при выборах первозданных Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. После Октябрьской революции в условиях Гражданской войны она была упразднена большевиками. Трудовые коллективы стали выдвигать только кандидатов в депутаты, а депутатами они «избирались» уже на территориальных выборах, да еще и на безальтернативной основе. Но и выдвижение кандидатов впоследствии стало происходить, как известно, под контролем партийных организаций.

При производственной избирательной системе станут необходимы координационные комитеты в регионах, чтобы определять, каким коллективам (объединениям) в какие органы представительной власти (городские, региональные, федеральные) избирать депутатов и устанавливать между ними очередность по избранию депутатов в высшие уровни власти. Ведь для представителей всех коллективов и объединений места там не хватит.

Законодательно должна быть определена норма — от какого числа работников (или членов объединений «единоличников») должен избираться один депутат. Скажем, от предприятия с числом работников в два раза больше такой нормы должны избираться два депутата, а маленькие предприятия (одной отрасли) должны объединяться в куст, с общим числом работников, близким к норме.

В сельской местности крестьяне-единоличники, фермеры, могут избирать своих депутатов, группируясь по территориальному принципу.

Нормы представительства для различных отраслей деятельности скорее всего не будут одинаковыми — сложатся какие-то коэффициенты в зависимости от важности отрасли. Скажем, ввиду того что на энергетических предприятиях работает относительно мало людей и в то же время велико значение этих предприятий, их коллективы должны, наверное, иметь право выбирать депутатов от меньшего числа работников, чем в других отраслях. Повышенные коэффициенты будут, вероятно, и у научных работников.

Возникнет потребность и в создании отраслевых координационных комитетов, которые смогут вырабатывать указы депутатам своей отрасли, обсуждать их деятельность, давать ей оценку и в случае необходимости рекомендовать коллективу, избравшему плохого депутата, его заменить.

Комитеты этих двух типов (региональные и отраслевые), кроме всего прочего, будут стимулировать в обществе гражданскую активность и ответственность, приобщать большинство граждан к участию в принятии политических и хозяйственных решений, давать им дополнительную возможность реализовывать свое право решающего голоса, явятся они и школой управления делами государства. Нынешнее положение, при котором депутаты зависят от воли своих избирателей только во время выборов, да и то весьма и весьма относительно, при производственной системе выборов уйдет в прошлое.

Избирательная система на производственной основе ликвидирует и практику лоббизма, точнее, легализует ее и тем самым устранил одну из важных причин коррупции во власти.

Лоббизм потеряет свою криминальную потенцию еще и по той причине, что исчезнут (или не будут возникать) монополии.

Далее, депутаты должны будут избираться скорее всего на один срок. (Но срок этот может быть больше, чем сейчас, на один-три года.) Находясь, как сейчас, в парламентах несколько сроков подряд, депутаты теряют понимание интересов своих избирателей, начинают штамповать свой подход к решениям, приобретают кастовые интересы, становятся над обществом и избравшими их людьми.

Ограничение времени пребывания депутатов в законодательных органах власти резко расширит потенциальные возможности для большого числа людей быть избранными. Могут возразить, что каждая новая смена депутатов будет лишена опыта парламентской работы и должна будет его в течение долгого времени приобретать. Но, во-первых, в таких случаях можно на выборах обновлять лишь половину депутатского корпуса, чтобы новички могли учиться у депутатов, кто полсрока уже проработал в парламенте. Как это, между прочим, делается в США. А во-вторых, надо не забывать, что навыки представительской и законодательной, парламентской деятельности в обществе самоуправляющихся коллективов будут воспитываться у очень большого числа людей что называется с пеленок, т. е. с работы в органах самоуправления в своих трудовых коллективах.

В переходный — к демократии кооперативного социализма — период возможно создание парламента из двух палат, одна из которых, ведающая экономикой, избиралась бы по производственному принципу, а другая, для решения политических вопросов, формировалась бы на выборах по партийно-территориальному принципу.

Возможен и другой переходный вариант: избрание депутатов от партий по территориальному принципу на 10–15, скажем, процентов мест в законодательных органах власти, чтобы профессиональные политики, пользующиеся доверием избирателей, могли участвовать в работе парламента. Кроме того, у партий всегда будет возможность выдвигать своих людей на производственных выборах по месту их работы или от творческих объединений.

Для системы производственных выборов хорошо подходит двухступенчатая структура законодательных органов типа «Съезд народных депутатов» — «Верховный совет», избираемый «Съездом». При этом депутаты «Съезда» будут исполнять свои обязанности без отрыва от работы в их трудовых ячейках, но съезжаясь через определенные интервалы на сессии для утверждения законопроектов, предлагаемых «Верховным советом». Члены же этого «Совета» должны будут работать в нем на постоянной основе весь свой срок как профессиональные парламентарии. Законодательная власть будет таким образом разделяться на *законотворческую и представительскую*, представляющую общество.

А вот выборы главы исполнительной власти скорее всего будут проходить на старой партийно-территориальной основе: кандидаты будут выдвигаться партиями и избираться на все-народных выборах, т. е. по президентскому принципу.

Такой тип выборов здесь диктуется, во-первых, необходимостью для избирателей опять же знать людей, из числа которых им нужно выбрать главу исполнительной власти, а во-вторых, необходимостью избирать его из числа профессиональных политиков. И лучше всего обоим условиям отвечают лидеры партий.

Избранный на пост президента лидер партии сможет подбирать свой кабинет из руководства своей партии, все члены которого должны утверждаться парламентом. И парламент же может отправлять их в отставку. Как и самого президента! То есть речь идет о демократической модели президентской власти американского образца. Но в обществе, где каждый гражданин будет обладать правом решающего голоса во всех касающихся его делах и структурах, отправлять в отставку президента и его правительство будет иметь право и само население — путем референдума, назначаемого по требованию определенного (законом) числа граждан. В условиях подконтрольности депутатов своим избирателям применение такого права может никогда и не потребоваться, но существовать оно на всякий случай должно.

Проблема партий

Законодательная власть в обществе синтезного социализма неизбежно окажется беспартийной по своему характеру. Депутаты законодательных собраний могут быть членами каких угодно партий, но самоуправляющиеся коллективы-собственники никогда не допустят, чтобы их представители защищали чьи-либо интересы, кроме интересов избравшего их коллектива. И партийная принадлежность будет играть очень маленькую роль при выборах в законодательные органы.

По партийному принципу будут формироваться, как мы уже говорили, лишь исполнительные органы власти, так как во главе их должны стоять известные всем профессиональные политики.

В целом роль партий в жизни общества самоуправляющихся кооперативных коллективов будет, как видим, значительно меньше, чем сейчас в демократических капиталистических странах.

В перспективе мыслимо и полное «отмирание» партий, место которых могут занять научные группы (клубы) или институты. Они могут предлагать стране свои программы и методы решения существующих проблем и выдвигать на выборах своих кандидатов в правительство для их реализации. Сейчас ведь тоже программы серьезных партий разрабатывают за кулисами группы ученых, экспертов.

Институт решающего голоса и прямая демократия

В обществе «синтезного» социализма, как мы уже отмечали, каждый гражданин должен иметь решающий голос в делах всех объединений, членом которых он состоит: района, города, области, государства, а также предприятия (учреждения), где он работает. Включая сюда и голос в выработке наказов депутатам всех уровней, к избранию которых причастен данный гражданин, и в контроле над ними.

Каждый гражданин в связи с этим должен, очевидно, иметь право на выступление в любых органах власти или в их официальных печатных органах; право постановки на обсуждение какого-либо предложения; право требовать создания комиссий или проведения всенародного (или регионального) референдума по какому-либо вопросу, в том числе и по принятию разработанных в обществе законопроектов.

Для реализации этих прав (и защиты от злоупотребления ими) необходимо, разумеется, разработать определенную процедуру предварительного утверждения индивидуальных инициатив на низших уровнях.

Здесь я должен повторить, что все детали предлагаемой или предполагаемой структуры даются мною приблизительно. Они должны уточняться практикой и будут зависеть от традиций и характера общества той или иной страны.

Как я узнал на Западе, избирательная система по производственному принципу применяется в федерациях кооперативных фирм для избрания членов центральных органов федераций, обладающих функциями законодательно-исполнительной власти.

Выборы на производственной основе особенно необходимы в нашей стране ввиду отсутствия у нас независимых массовых партий и низкой политической культуры значительной части избирателей, особенно пожилого возраста и пенсионеров. (При обсуждаемой системе их влияние на выборы будет незначительным. Основная масса депутатов будет избираться в трудовых коллективах дееспособными людьми. Сегодня значительная часть таких людей в выборах не участвует.)

В разгар горбачевской перестройки я не раз встречал в прессе выступления людей, в том числе юристов, ратовавших за производственную систему выборов. Но номенклатурные коммунисты, жаждавшие стать капиталистами, как и элитная интеллигенция, слышать об этом не хотели. Действительно, как можно было бы присваивать государственную собственность за

ничтожные деньги, да и те изъятые из казны, если бы в законодательных органах власти заседали представители трудовых коллективов, избираемые по производственному принципу?

После установления ельцинского режима я пришел к мысли, что в России ввиду указанных выше причин необходима производственная система выборов всех депутатов законодательно-представительных органов власти. И по этим же причинам желателен большой переходный период, в течение которого глава исполнительной власти должен избираться парламентом из его членов, а не на всенародных выборах.

Между тем в России после воцарения Путина им и его аппаратом вновь начал муссироваться заезженный аргумент против настоящей демократизации государственной власти: для России, мол, традиционна авторитарная и централизованная власть, и нужна потому «управляемая демократия» с помощью «властной вертикали» в руках президента, т. е. обыкновенный авторитаризм царского типа, установившийся после поражения революции 1905 года.

Но даже не согласные с этим тезисом забывают сказать, что такая власть веками существовала и во всех других, ныне демократических странах. (Исключение США, у которых история коротка.) И когда-то и России надо уходить от авторитаризма и унитарности. В XXI веке, наверное, самое время это сделать. Сейчас для нашей страны это уже вопрос выживания. Новое самодержавие может привести к хаосу и к развалу страны, если не к чему худшему. В XXI веке с его высочайшим развитием производительных сил и развитием правового и демократического сознания в обществе управлять страной авторитарно и централизованно невозможно, тем более такой огромной, как Россия.

И неправда, что в России существует лишь авторитарная традиция. Державники забывают о Советах, родившихся в 1905-м году и после Октября 1917-го в считанные недели распространившихся по всей Российской империи. Большевиков было тогда слишком мало, и не было у них еще никаких «силовых структур» (и телевидения!) — чтобы насилием (и заморочиванием мозгов) можно было объяснить это «триумфальное шествие Советов» по огромной стране.

Система, основанная на представлении общества в парламентах партийными функционерами (избираемыми по партийно-территориальному принципу), сыграла свою положительную роль в истории. Как и капиталистический хозяйственный уклад, опирающийся на такую систему. Но теперь такая демократия, как и породивший ее экономический уклад, подходят, видимо, к своему пределу. Все большее число людей на Западе начинает осознавать недостаточность и непригодность в нынешних условиях опосредованной демократии, когда волю народа представляют почти не зависящие от него профессиональные партийные политики.

В последние годы на Западе разворачивается дискуссия о необходимости кардинального реформирования существующей там демократической структуры. Падение интереса у населения к партийно-территориальным выборам и двухпартийной системе стимулирует эту дискуссию. Известный немецкий социолог и политолог Геро фон Рандо писал в февральском номере «Ди цайт» (ФРГ) за 2000 год:

«Прямая демократия способна закрыть пропасть между обществом и властью, которая становится все более опасной. Переход от партийного государства к гражданской демократии — первая задача XXI века».

«Гражданская демократия» — это именно то, о чем мы и рассуждали. Иначе говоря, речь идет о приближении демократии к этимологическому смыслу этого слова — к управлению народа, а не народом.

В США и Швейцарии уже широко применяются региональные референдумы по множеству вопросов политической и экономической жизни, проводимые в одно время с парламентскими выборами. На выборах в Конгресс и президентских выборах 2000 года в США было проведено около 200 местных референдумов. К изменению Основного закона Германии с целью внедрения практики референдумов призывает сейчас правящая там социал-демократическая партия.